

Дина Рубина

1 книга: 1970-1980

ОТЛИЧНО ПОЕТ ТОВАРИЩ ПРОЗАИК (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

2 книга: 1980-1990

ВСЕГДА, ВСЕГДА? (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

3 книга: 1990-2000

ЖИЛАЮ ЩАСТЯ. АФТОР (ЭССЕ, МОНОЛОГИ, РАССКАЗЫ)

4 книга: 1990-2000

У АНГЕЛА (ПОВЕСТИ)

5 книга: 2000-2003

КРУЖЕНИЕ ЭХА (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

6 книга: 2004-2005

СКВОЗЬ СЕТОЧКУ ШЛЯПЫ (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

7 книга: 2006-2010

САХАРНОЕ СВЕЧЕНИЕ (РАССКАЗЫ И ПОВЕСТИ)

8 книга: 2006-2010

БОЛЬНО ТОЛЬКО КОГДА СМЕЮСЬ (ИНТЕРВЬЮ, ЭССЕ, БАЙКИ)

9 книга: 2011-2016

КРЕПЧЕ ВЕСЕЛИТЕСЬ! (ЭССЕ, РАССКАЗЫ)

Дина Рубина

Крепче
веселитесь!

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6я44
P82

Разработка серии и дизайн обложки:
Александр Кудрявцев, студия «FOLD & SPINE»

В оформлении книги использована
репродукция портрета Дины Рубиной
работы *Бориса Карафелова*

На обложке использованы
репродукции картин *Юлии Николаевой*

Рубина, Дина.

P82 Крепче веселитесь! : [сборник] / Дина Рубина. — Москва : Эксмо, 2018. — 384 с.

ISBN 978-5-04-095219-9

«В то время мы с Борисом уже задумали эту странную совместную книгу, где оконные переплеты в его картинах плавно входили бы в переплет книжный, а крестовина подрамника служила бы образом надежной крестовины окна-сюжета...» — писала Дина Рубина о новом замысле. То время — 2011 год. Тот замысел — книга «Окна». Чуть позже — в 2015–2016-м — были написаны две новые вещи: «Наш королевский ужин» и «Пресс-папье А. Чехова». В этой книге они публикуются впервые. Рассказы и эссе этого сборника, безусловно, связаны с мотивом «судьбинных окон». Но объединяет произведения этих лет и другое качество рубинской прозы — восхищение жизнью, упоение ее щедростью, радость бытия, открывающие и распрямляющие душу.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6я44

© Рубина Д., 2018
© Fold&Spine, разработка серии, 2018
© Николаева Ю., иллюстрация
на переплет, 2018
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2018

ISBN 978-5-04-095219-9

Предисловие

Мы перевозили картины Бориса в его новую мастерскую — ту, что отстроили на втором этаже, вырастив комнату из балкона. Пространство получилось небольшим, но из-за двух высоких окон — в стене и в потолке — удивительно радостным и *вкусным* для глаз: прямо-таки перенасыщенным взбитыми сливками густого света.

Вертикальное окно вверху, журавлем взмывая к гребню крыши, отбрасывало на пол косою прямоугольник солнца. И в этом лучезарном окне, посреди белой комнаты, стоял мольберт.

Борис внес первую связку холстов, ослабил узел на веревке, и одна картина стала медленно выпадать углом. Я ее подхватила и поставила на мольберт.

Это был портрет нашей дочери, сидящей на широком подоконнике в чудесном доме в Галилее, где когда-то мы любили отдыхать.

Дина Рубина · Крепче веселитесь!

И тут, в пустой комнате, в молочно-белом облаке верхнего света, он вновь со мной «заговорил» с мольберта. Я сказала:

— Ева на окне, под окном, среди окон.

Мой муж, распутывая узлы, оглянулся на портрет и сказал:

— Да у меня чуть не в каждой картине — окно...

И мы продолжали вносить в дом и втаскивать на второй этаж связки картин, привезенных из старой мастерской, — утомительное, но и радостное занятие, как всегда, когда затеваешь и воплощаешь что-то новое: новую комнату, новую картину или новую книгу.

И пока Борис развязывал и расставлял вдоль стен и на стеллажах работы, я смотрела на них новыми удивленными глазами: а ведь и правда — сколько их у него, этих картин, где в разных окнах сидят, стоят, выглядывают или проходят мимо разные люди. Да и сами картины были окнами, откуда глядели в мир множество персонажей, в том числе и сам художник, и мы, его домашние.

Длинная анфилада оконных отражений...

Я сказала, ни с того ни с сего:

— А у нас во дворе, в Ташкенте, первый телевизор появился у дяди Саркиса. Вечерами соседи набивались к нему на торжественные сеансы, усаживались кто куда, и все глядели в крошечный экран. Линза была толстой, изображение кошмарным... Но лица зрителей сияли уважительным восхищением: ведь это чудо — в ящике, прямо в комнате, непонятно откуда возникает «настоя-

щее кино»... Дядя Саркис отхлебывал из пиалы чай и произносил: «А-акно в мир!» — с таким достоинством, будто лично изобрел телевидение. А нам, детям, позволялось смотреть с улицы. Мы взбирались на подоконник открытого окна, сидели друг у друга на коленях, на закорках... и с этого окна смотрели внутрь комнаты, в другое окно — подслеповатое окошко экрана. В этом что-то есть, а?

Часа полтора еще мы до изнеможения носили и расставляли картины, а я теперь уже намеренно выискивала в них все новые и новые окна. Постепенно меня охватывало знакомое волнение, еще неявное — то, что всегда предшествует *идее*...

Когда все было закончено, мы спустились вниз, заварили чаек и, как два грузчика на обеденном перерыве, некоторое время энергично молча жевали бутерброды, с удовлетворением поглядывая в сторону лестницы на второй этаж.

Вдруг Борис заметил:

— Между прочим, знаешь ли ты, что еще совсем недавно, в XVIII веке, жители Корнуолла промышляли таким вот способом: в особо сильный шторм выносили на берег большие фонари и расставляли рядами там, где громоздились самые страшные скалы.

— Зачем?

— Ну, как же... Несчастливые моряки принимали свет фонарей за окна домов и, в надежде найти гавань, направляли корабли к этим обманкам...

— И разбивались на скалах?! — воскликнула я.

Дина Рубина · Крепче веселитесь!

— Само собой. А когда шторм стихал, на берег выносило много полезных предметов. Вообще, в образе окна, — продолжал он задумчиво, — есть что-то трагическое. Вспомни, в литературе оно почти всегда связано с ожиданием, и часто — бесплодным. Ведь окно — это... нечто большее, чем привычное отверстие для света и воздуха или для бега нашего зрения вдаль... А в нашем ремесле окно — вообще большое подспорье. Мне, например, с моим вечным ощущением чужеватости и прохожести, образ окна в работе очень помогает. Делает меня... свободнее, что ли... Окно как примета укрытия, опознавательный знак. Не конкретное окно, а такая вот рама, из которой и в которую направлен взгляд. Хоть какой-то ориентир для человека, *проходящего мимо...*

Прошло несколько дней, и — видимо, чем-то меня задел, растревожил этот разговор — я все продолжала думать о нем, а внутреннее волнение продолжало свою животворящую суету. Все катилось в нужном направлении... А может быть, думала я, мы все до известной степени — *проходящие мимо?* И стала вспоминать свои окна. Множество своих окон, среди которых, чего уж греха таить, встречались и такие вот окна-обманки, и на их светплыли иные корабли и — разбивались, и за это мне отомстится в положенное время или уже отомстилось...

В сущности, думала я, тема окон в искусстве не нова, но, как говорится, всегда в продаже. Ок-

но — самая поэтичная метафора нашего стремления в мир, соблазн овладения этим миром и в то же время — возможность побега из него. Однако это и символ невозможности выхода вовне, последний свет, куда — с подушки — обращены глаза умирающего, не говоря уже о том, что для узника окно — недостижимый мираж свободы, невыносимая мука...

А наша память! Сколько в ней запретных судьбинных окон, к которым и на цыпочках боишься подобраться, не то что занавеску отдернуть да, не дай бог, увидеть сцену расставания тридцатилетней давности или того хуже — человека, лицо которого тщетно надеешься забыть... А у меня вообще: ни одной двери, только окна. И половина заколочена. Кто бы ни просил — не открою. Не хочу выпускать на свет божий то, что давно похоронено.

Зато остальные окна — всегда распахнуты. Я то влечу в них, то вылечу. И уж в этих окнах всё: мои мечты, мои страхи, моя семья, мои книги; все мои герои — уже рожденные и те, кому только предстоит родиться. Даже не знаю, где я провожу больше времени: размышляя за компьютером или мечтая в каком-то своем окошке...

* * *

Многие люди моей жизни связаны у меня с тем или иным окном. Знакомые иностранцы часто вспоминаются за окном кафе, куда я прихо-

Дина Рубина · Крепче веселитесь!

дила к ним на встречу. Отец — у окна мастерской, всегда завешенного темной драпировкой, для дозирования яркого дневного света. Помню огромные бледные окна изостудии во дворце пионеров на Миусской, где впервые увидела Бориса и его многослойные многоцветные странные холсты. В тот вечер он показывал картины из серии «Иерусалимка», смешно рассказывая про свой дом во дворе старой Винницы — полуразваленный домишко, вросший в землю по самое окно, через которое можно было запросто шагнуть в комнату, не слишком высоко подняв ногу...

С тех пор прошло сто лет, и многие наши общие окна переключались в картины: окна квартир, ресторанов, отелей; стрельчатые окошки французских и немецких замков; двойные, разделенные колонной красноватого мрамора, аркады флорентийских палаццо; синие — против сглаза — ставни окон на улочках древнего Цфата; мавританские полосатые арки над окнами средневековой Кордовы и узкие, истекающие струйкой света бойницы башни Хиральда в Севилье: поднимаешься в ней и сквозь невероятную толщину стен видишь фрагменты белого города в черных проемах...

А еще — зарешеченные окна Армянского квартала в Иерусалиме; огромные и глубокие окна-сцены Амстердама и закрытые ставнями, таинственно непроницаемые окна-тайны Венеции. Не

говоря уже о распахнутых в нашу память окнах Москвы, Винницы, Ташкента...

Некоторые, с приметами местной жизни или одушевленные чьим-то лицом, фигурой, домашним животным, вспоминаются время от времени пронзительно ясно, с какой-то неуместной и необъяснимой грустью – как то окно в одном из домов Амстердама, где старуха в инвалидном кресле, перегнувшись через подоконник, крошила булку на тротуар, а внизу с восхитительным непринужденным достоинством разгуливала цапля.

Или то высокое окно кондитерской в Дельфте, где между двумя синими вазами, среди белых орхидей на подоконнике сидела кошка-альбинос, тишайшая, ласковая; приподнималась и деликатно трогала лапкой стекло, словно внимания просила: а вот что сейчас скажу. Ну, скажи, ангел мой, скажи...

Или – отраженные в воде окна плавучего ресторана на озере Орта: как они сверкали и текли под фонарями, вновь и вновь разбиваемые вдребезги мелкой волной...

А витражи – эти чудесные картины в стрельчатых окнах церквей и соборов, картины-сказки, картины-утешения, будто для человеческого глаза недостаточно божественного света сквозь прозрачное стекло! И – как антипод этому ликованию многоцветья – черные проемы незастекленных окон арабских деревень, годами отпугивающие тех, кто смотрит на них с дороги.

Дина Рубина · Крепче веселитесь!

А окна, нарисованные на стенах, — окна-иллюзии, с горшочками герани, с женским профилем, выглядывающим из-за шторы, — имитация интерьера, плоская подделка жизни...

А прожорливо ненасытные окна поездов дальнего следования, окна-Гаргантюа, глотающие на страшной скорости неохватные пространства...

И наконец, одна из самых величественных и страшных картин, какие могут только присниться: гигантский, космических размеров кратер медного карьера в штате Юта! Мы стояли наверху, на специальной площадке для туристов, а внизу по неохватным багровым адовым кругам едва заметными муравьями, сползая все ниже и ниже, будто выгрызая окно в самой груди земли (вот-вот хлынет оттуда сокрушительным потоком небесная синь с той стороны планеты!) ползли многотонные самосвалы за новой порцией медной руды...

...Так наполнялся ручей замысла этой книги; весной в Иудейской пустыне так набухает влагой почва, и за одну ночь — неизвестно, как и откуда, — земля выплескивает брызги алеющих маков.

В один из этих дней друзья пригласили меня на концерт в Иерусалиме, — последний концерт ежегодного филармонического абонемента. В программе — Брамс, Брукнер, Дебюсси.

— Вот только места дешевые, — смущенно сказал наш друг. — Знаете, на втором ярусе, те, что прямо над сценой...

Но это-то как раз и оказалось самым прекрасным: впервые в жизни я видела перед собой лицо дирижера, профили оркестрантов, пюпитры с раскрытыми нотами; буквально сидела в музыке по самую макушку...

Подо мной плавно покачивалась библейская волна вишневой арфы на полном плече роскошной арфистки. Один из контрабасистов, похожий на персонажа с гравюры Домье, склонялся к инструменту так предупредительно и даже угодливо, словно прислуживал ему за столом: чего изволите? Другой, щипая струну, мерно качал головой в такт движению руки — как мул, что поднимается по крутой тропинке в гору.

А дирижер... тот дирижировал ртом: округлял губы на *крещендо*, издавал беззвучный вопль на *фортиссимо*, растягивал их в мучительной гримасе блаженства на *диминуэндо*, захлопывал рот на резком коротком аккорде...

И при этом пружинисто приплясывал на подиуме, как царь Давид перед Господом, отпихивая локтями кого-то невидимого, кто так и норовил подобраться с изощренно злодейскими, захватническими намерениями...

Я парила над сценой и чуть не расплавилась от счастья, потому что внизу, на пюпитрах, двойными окошками в мою прошлую жизнь белели раскрытые листы оркестровых партий, полные грациным граем нот...

Вот тогда она и явилась — в терциях мучительного пассажа, в образе птичьих переливов флей-

Дина Рубина · Крепче веселитесь!

ты — идея этой книги об окнах, *об окнах вообще* — тех, что прорублены для света и воздуха, но и для взгляда, бегущего вдаль; об окнах, сыгравших важную роль в чьих-то судьбах; и об окнах, которые нельзя не упомянуть *просто так*, для полного антуража истории...

Словом, пока звучала кода брукнеровской симфонии, я уже знала, что буду писать свою новую книгу, не экономя на внимании вечно занятого читателя, забыв о нем, о читателе, вообще, отпустив вожжи, расправив лицо и душу, неторопливо листая, и вспоминая, и вышибая разбухший штаырек из разохшейся рамы, распахивая давно забытые ставни...

В этой книге — окна-ориентиры, окна-укрытия в *высокой башне памяти*: все эти затененные стекла, эти дребезги, блики-отражения в мозаике многослойных мазков. Наши лица прохожих людей в темном окне московского метро или питерского трамвая; и сквозь них — тусклые солнца ночных фонарей, торопливые прохожие, мокрое белье на веревках, блеск листьев после дождя.

Дина Рубина

ДОРОГА ДОМОЙ

Лет в восемь или девять я сбежала из пионерского лагеря, первого и последнего в моей жизни. Подробности не помню; кажется, он был обкомовским, этот лагерь, и находился в предгорьях Чимгана, километрах в двадцати от города, где-то в районе Газалкента.

Меня туда пристроила по блату мамина подруга, и, усаживая меня в автобус, мама оживленно твердила, что на завтрак там дают икру и сервелат — это было основным доводом в пользу моего удаления из дома. Я же не понимала, кому и чем так помешала моя вольная беготня по окрестным улицам и дворам, чтобы запихивать меня в автобус с целой оравой горластых обормотов и так далеко увозить: растерянность кошки, выглядывающей из неплотно застегнутой сумки.

И недоумение: что мне этот сервелат? А скользкая соленая икра, медленно и жутко шевелящаяся, тогда просто внушала отвращение.